

ИЗВЕСТИЯ

Встречи

ОРУЖИЯ ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА

За большие заслуги в развитии советского изобразительного искусства народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственных премий СССР Борис Ефимович Ефимов награжден орденом Октябрьской Революции. Сегодня он рассказывает корреспонденту «Известий» о своем творческом пути, делится воспоминаниями, размышляет о роли и месте сатиры в современном мире.

— Борис Ефимович, вижу на вашем рабочем столе удостоверение, выданное нашей газетой. Автором «Известий», знаю, вы являетесь вот уже шесть десятков лет...

— Если быть точным — 63 года.

— Читателям будет интересно узнать, кем был Бор. Ефимов, когда он впервые переступил порог редакции органа ЦИК. Что он знал, что уметь? Какие жизненные планы вынашивал? Может быть, стать равным Дени и Моору, чья слава карикатуристов в ту пору была в зените?

— Это был весьма застенчивый молодой человек. Жизненный опыт у него, правда, кое-какой имелся. Как-никак позади — работа в Редиздате Политуправления Наркомвоенна Украины, в ЮГРОСТА. Знал он, полагаю, не так чтоб уж очень много — после реального училища недолго был студентом юрфака, потом транспортного факультета. Что касается умения...

Видите ли, в училище на уроках рисования я имел устойчивую «двойку», поскольку не ладил с преподавателем. Но очень любил иллюстрированный журнал «Сатирикон», баловался шаржами. Некоторые из них даже опубликовал в киевском журнале «Зритель» — на Александра Блока, режиссера Кугеля, актрису Юреневу. Хотите посмотреть?

— Еще бы! Это и есть Юренева? Какая красивая женщина, — очень комплиментарный шарж...

— Что вы хотите — она была женою моего брата, Михаила Кольцова. Он и приобрел меня к жанру политической карикатуры. Перед приходом в «Известия» в моем активе было несколько публикаций в киевской военной газете «Красная Армия», затем в «Правде», «Рабочей газете» и в еженедельном иллюстрированном «Приложении» к ней. «Персонажами» графических работ были белогвардейцы, деникинцы, петлюровцы, реакционные зарубежные политические деятели.

— В воспоминаниях журналиста, критика и театроведа Литовского, бывшего в те годы ответственным секретарем «Известий», есть такие строки:

«...Кольцов появился вместе со своим братом Борисом Ефимовым.

— Вот возьми, Осаф, — сказал он мне, передавая из рук в руки молодого журналиста, — не расквасишься.

Ни я, ни кто-нибудь другой, действительно, не расквасился... Борис Ефимов «привился» в «Известиях».

— Вообще-то дело было чуть-чуть иначе. Человек доброжелательный, Литовский тем не менее озадачил вопросом: «А зачем нам, собственно, Ефимов, когда у нас работает Моор?» Возразить было нечего. Я удалился, что называется, несолоно хлебавши... Но потом все утряслось — Дмитрий Стахивич Моор временно отошел от газетной работы, мои карикатуры появились в «Правде» наряду с карикатурами Виктора Николаевича Дени, и Литовский сам вскоре предложил мне постоянное сотрудничество в «Известиях».

Посчастливилось работать под началом таких замечательных редакторов, как Стеклов, Скворцов-Степанов, Гронский. В числе сотрудников «Известий» были Владимир Маяковский, Демьян Бедный, Илья Эренбург, Мариэтта Шагинян, Зинаида Гихтер, Владимир Лидин, Давид Заславский, Григорий Рыклин... Называю эти фамилии не только по долгу товарищества, но и по велению сердца — за каждый из них стоит преданность коммунистическим идеалам, опыт и талант журналиста, высокое понимание публицистического долга, мастерство газетчика.

— Как же строились отношения «застенчивого молодого человека» с таким коллективом? Что дало ему общение со столь мощными «перьями»?

— Знаете, когда по-настоящему увлечен служением делу, когда не жалеешь ни сил, ни времени, чтобы исполнить его наилучшим образом, — это не остается незамеченным. Строгая

выскаательность сочеталась у коллег с объективностью, ко мне были доброжелательны — и я «привился». Совместная работа с людьми, о которых я упомянул, стала для меня постоянным праздником. При всем разнообразии индивидуальностей, творческих пристрастий было нечто, что объединяло этих мастеров слова, — убежденность, высочайший профессионализм. Умение немедленно откликаться на злобу дня с полной отдачей сил и таланта. Качество, которое я в себе воспитывал, не испытывая недостатка в образцах для подражания...

Довольно скоро я стал виновником... нескольких дипломатических протестов. В 1923 году на карикатуру, помещенную на первой странице «Известий», шибко обиделся государственный секретарь США Юз, в начале 1926 года — британский министр иностранных дел Чемберлен. Эти два отпетых антикоммуниста и антисоветчика тем самым дали новый повод для сатирических эскапад.

Должен отметить, что зарубежная пресса тех лет явно была озадачена активностью советской сатиры. Наша пропаганда придавала карикатуре значение ответственного политического материала. Дополнив агитационный плакат времен гражданской войны оперативным газетно-журнальным рисунком, сатира с плакатов перешла на полосы периодической печати и обрела многомиллионную аудиторию. Выдерживая точность оценок явлений внутренней и международной жизни в их сатирической интерпретации, карикатура информировала и одновременно давала острый политический комментарий. Судя по реакции недругов — весьма эффективно.

Грянула Великая Отечественная — пошел организовывать «Окна ТАСС», выпускал плакаты, листовки. В сорок третьем увидел свет альбом «Гитлер и его свора», переизданный затем во многих странах мира. Рейху он пришелся, разумеется, не по вкусу. Фашисты внесли меня в списки лиц, подлежащих уничтожению...

— А в сорок пятом вы присутствовали на Нюрнбергском процессе, «с натуры» рисовали главарей третьего рейха, не ушедших от справедливого возмездия. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Да, это запомнилось на всю жизнь...

Каждого из сидящих на скамье подсудимых я узнавал в лицо — приходилось видеть их на фотографиях, в кадрах кинохроники. Все почти были «героями» моих сатирических работ. Но вот наблюдаю этих отпетых палачей в яви и поражаюсь: насколько же их внешний облик ничтожнее, чем даже на самых злых карикатурах!

По-разному вели они себя на суде. Кто нагло хорохорился, как Геринг, кто «работал» под психа, как Риббентроп. Одни пытались изображать из себя не ведавших, что творили, другие оправдывались приказами свыше, которые обязаны были выполнять. И каждый демонстрировал животный страх... Вся эта свора убийц понимала: расплата за чудовищные преступления близится.

— Мы с вами смотрели карикатуры, плакаты, иллюстрации двадцатых, сороковых, шестидесятых, восьмидесятых годов. Бор. Ефимов угадывается всюду, но манера ваша претерпевала существенные изменения. Что влияло на это?

— Во-первых, менялся я сам — взрослел, мужал, старел... В процессе работы открывались новые возможности изобразительных решений. Иным становится мир, в другом обличье предстают носители зла. Все это, естественно, накладывает отпечаток на творчество. Но как бы ни менялись политические обстоятельства, а с ними и задачи дня, дело сатирика остается прежним — проповедовать, пользуясь словами Некрасова, «любовь враждебным словом отрицая». Чем я и занят.

Ю. ГРИНЬКО,
спец. корр. «Известий».